



# КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", июль 1997 года



Почти сто лет назад, в 1898 году, граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844 - 1918) написал вдохновенные строки о Троице-Сергиевой лавре. Отрывки из этой небольшой книжки мы предлагаем читателям в канун 575-летия обретения мощей преподобного Сергия Радонежского.

С. Шереметев

## Свято-Троицкая Сергиева лавра

С. Д. Шереметев - автор ряда работ по истории России и археологии. Был он почетным членом Академии наук, председателем Археологической комиссии, редактором журнала "Старина и новизна" и пр.

"Сергиев, Сергиев!" С этим кличем защитники Лавры в Смутную годину бросались в бой за целостность Отечества. Они обороняли твердо и отстояли Русь! (...)

Не знаю с чем сравнить то чувство отрады, когда после долгого отсутствия, после долгих скитаний перед вами вновь покажутся с детства родные величественные монастырские стены и купол собора или раздастся чудный благовест его колокола?..

Почтительно видеть у раки Преподобного с каким глубоким и неподдельным чувством, с какой любовью подходят несметные толпы богомольцев. Кто дерзнет задержать это вековое движение, кто не преклонится перед его великим и всероссийским значением? (...)

Пожелаем, чтобы в каждом из нас в годину испытания, в минуты уныния и скорби, в борьбе за истину и свет - как и при защите Отечества сознательно и неизменно "единым сердцем" раздался бы истеричный и заветный призыв: "Сергиев, Сергиев!" (...)

Родители мои посещали Лавру почти ежегодно и не раз; моя мать любила останавливаться в Старой лаврской гостинице и не торопилась уезжать. Живали мы и зимою, и во всякое время года. Эти зимние пребывания мне особенно памяты.

Бывало любил из окна, как по воскресным дням вся площадь заставлена возами, какое шумное и возбужденное оживление на базаре.

Памятна и дорога мне аллея под стенами Лавры со своими лавочками, в которых из года в год продавались все те же неизменные чашечки с цветками, кринки для масла с крышками и с выпуклыми изображениями грибов или же планы и маленькие здания Лавры в виде игрушек, расставленных по соответствующим местам. Но всего более привлекали деревянные зеленые лягушки размера и вида настоящих, под которыми находилась дощечка, обмазанная клеем. Она приспособилась

таким образом, что когда отклеивалась, лягушка сама собою прыгала по полу.

Как давно знакомы мне эти книжные лавочки с иконами и свечами, с четками и поясками и церковь над ракою Максима Грека, откуда близкий переход в часовню, где Святой колодезь!..

С Лаврой меня связывают воспоминания целой жизни, но между ними как-то особенно выделено тройное впечатление, вызванное также тремя различными годами в жизни Лавры.

Первое принадлежит шестидесятым годам, второе - семидесятым, третье - восьмидесятым. (...) В 60-х я был еще Кавалергардским офицером. Не помню, в какой именно праздник, но случилось мне стоять во время богослужения в алтаре Троицкого собора. Первенствовал тогда Митрополит Филарет в сослужении Наместника Лавры архимандрита Антония и протоиерея Горского. Впечатление этой службы было так сильно, что оно как живое передо мною, точно все это было вчера.

Вижу перед собою небольшого роста старца с живыми огненными глазами. Невольно всматриваешься в него, стараясь не проронить ни малейшего движения. Его возгласы чуть слышны, он казался таким согбенным и слабым, и тем не менее в нем чувствовалась неотразимая сила! (...)

Много лет прошло с тех пор и много воды утекло. Наступил канун объявления Турецкой войны 1877 г. и отъезда в армию. Я находился в свите цесаревича, сопровождавшего Государя в Лавру. Его встретил митрополит Московский Иннокентий - уже тогда совсем слепой. Его архипасторское слово звучало просто и ясно, как и вся его жизнь. Наступила торжественная минута. Все сознавали тогда важность совершаемого. Государь подошел к раке преподобного Сергия.

В это самое время в Южных дверях собора показавшаяся живая мертвец. То был наместник Лавры архимандрит Антоний. Еле

вижу, как он взойшел в Собор и приложился к мощам преподобного Сергия. Тогда на амвоне остановился Московский митрополит Макарий. Величествен был вид Московского архипастыря. Опираясь на посох, он окинул быстрым взором присутствующих и, обращаясь к Государю, звучно и громко произнес следующее слово:

тропа на великом и вековом богомолье Русском!..

Материал подготовила  
Т. СМЕРНОВА.

\* Икона - складень, о которой пишет С. Шереметев, написана келарем монастыря Евстафием Головкиным в 1577 г. На иконе есть надпись о том, что царь Федор Иоаннович велел сделать

"Благочестивейший Государь! Обитель преподобного Сергия Радонежского - это, в понятиях русского православного народа, заветное святилище, куда стекается он со всех сторон нередко целыми тысячами, чтобы здесь, у раки великого Угодника Божия, излить в молитвах свои сердечные желания и здесь же обрести для себя и утешение, и одобрение, и подкрепление на дальнейший подвиг жизни. (...)

Мы веруем, что преподобный Отец наш Сергий есть самый усердный представитель и молитвенник на небеси за свое земное Отечество - Россию. Да будет же Он и твоим неумолчным представителем и молитвенником, и незримым помощником в твоих царственных трудах для блага нашего дорогого Отечества! (...)

Я не забуду впечатления этого слова, сказанного твердым, звучным голосом. То не был голос старца, приспосаблившегося кротости и любви, то был властный голос Московского архипастыря. (...)

Быстро сменяются поколения - и новое дело предстает живым, до следующей смены...

"Когда же время отодвинет Мой след в молчаньи гробовом", - тогда в молитвенную память об отошедших да не зарастет родная

серебряную раку для мощей преподобного Сергия. 15 августа 1585 года мощи были переложены из деревянной раки в серебряную. А деревянную раку царь повелел разбить на образы. Эта икона и написана на доске от деревянной раки Преподобного.

С нею совершал воинские походы царь Алексей Михайлович против польского короля, с нею вел войны со шведами и турками Петр I. В Отечественную войну 1812 года икона находилась в Московском ополчении. В 1855 году была послана в Крымскую армию, воевавшую с соединенными силами Турции, Англии и Франции. В 1877 году взял ее в действующую армию на Балканы император Александр II. Во время русско-японской войны икона также была в действующей армии. 21 августа 1914 года при посещении Лавры императором Николаем II архимандрит благословил его этой иконой. По приказанию Государя ее перевезли в Ставку и поставили в походной церкви Верховного Главнокомандующего.

Сейчас икона находится в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике.



Император Николай II в Троице-Сергиевой лавре. Фото начала XX века.

### КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

#### ИЮЛЬ

3 ИЮЛЯ 1997 ГОДА - 120 лет со дня рождения врача Ивана Михайловича Варушкина (родился в 1877 году). Работал врачом по санитарному просвещению с 1917 по 1947 год. Участвовал в создании музея Сергиевского края (был открыт в конце 1920-х годов, закрыт в 1930-х годах).

14 ИЮЛЯ 1997 ГОДА - 20 лет со дня установления нашим земляком тяжелоатлетом Александром Айвазяном мирового рекорда в рывке двумя руками.

18 ИЮЛЯ - Сергиев день. 575 лет назад произошло обретение мощей Преподобного Сергия Радонежского (1422 г.).

18 ИЮЛЯ - 70 лет со дня смерти художника Василия Дмитриевича Поленова - друга Саввы Ивановича Мамонтова. Жил в Абрамцеве.

26 ИЮЛЯ 1947 ГОДА - 50 лет назад начали регулярно курсировать два специальных электропоезда Москва - Александров с пятиминутными остановками в Пушкине и Загорске.

175 ЛЕТ НАЗАД, в 1822 году построена церковь Иоанна Богослова в селе Слотино.

\*\*\*

Эта редкая фотография войдет в готовящуюся к печати книгу "Сергиев Посад. Страницы истории". Автор книги - ведущий научный сотрудник историко-художественного музея-заповедника Константин Филимонов. Фотографии конца прошлого - начала нынешнего столетия (а их в книге будет не менее двухсот) подготовлены известным сергиевским фотографом Николаем Соловьевым.

Так как тираж книги будет небольшим, музей-заповедник по многочисленным просьбам читателей решил в сентябре 1997 года провести предварительную подписку на уникальное издание. Об ее условиях мы сообщим через нашу газету.

## К 850-летию Москвы

Как мы уже писали ("Краеведческий вестник", №12, сентябрь 1995 г.), академик Борис Александрович Рыбаков, ученый с мировым именем, археолог и историк на летние месяцы приезжает из Москвы в Хотьково. Недавно ему пошел девяностый год.

Сердечно поздравляем Бориса Александровича с днем рождения, желаем ему плодотворной работы, новых открытий, новых книг.

Б. А. Рыбаков любезно согласился встретиться с сотрудницей Сергиево-Посадского музея-заповедника Т. В. Смирновой и ответить на вопросы. Разговор зашел о его детстве.

# ДЕТСКИЕ ГОДЫ АКАДЕМИКА РЫБАКОВА

- Борис Александрович, как вы считаете, когда у вас проявился интерес к истории, к археологии?

- В пятилетнем возрасте отец подарил мне Детскую энциклопедию. Она сыграла большую роль в моей жизни. Читать я научился в четыре года. И особенно любил книги об истории.

А непосредственное соприкосновение с историей почувствовал, когда меня, пятилетнего, мама повела к нянюшке Акулине в богадельню. Это была не моя няня. Она жила еще у моего прадеда, потом деда. Родилась в 1807 году. Рассказывала французских солдат наполеоновской армии. Жила она тогда в Смоленской губернии. Помните "Войну и мир"? Именье князя Болконского как раз в Смоленской губернии было.

Ничего особенного нянюшка не рассказала: семья залезла в подпол и просидела там ночь. А утром пришли соседи и сказали: "Вылезайте". Этот простой рассказ как-то запал в душу, великие исторические события стали ближе.

А интерес к археологии появился, пожалуй, впервые, когда я попал в Генуэзскую крепость XIV века. Мы проводили лето в Крыму, в Судаче. Мне было уже 7 лет.

С осени 1918 меня не было в Москве. Несколько тысяч московских школьни-

ков погрузили тогда на пароходы и увезли из голодной Москвы в хлебобродные губернии. Вернулся я только через три года и принялся изучать старую Москву. За зиму 1921 года обошел все московские монастыри, много занимался в библиотеке Исторического музея - там было тогда детское отделение. А главное - я стал "владельцем" башни Китай-города. Эта башня была между Ильинкой и Варваркой. На верхней площадке росли маленькие березки, трава. Там мы с товарищами сидели, читали. Уходя, я запирали башню на замок. Вот в этой башне я и сделал свою первую археологическую находку: клевец - боевой топорик XVIII века.

Кончилось "владение" башней тем, что нас арестовали и отвели на Лубянку. Но после допроса выпустили. Мне было тогда 14 или 15 лет.

- Скажите, а ваши родители интересовались историей?

- Отец закончил исторический факультет Московского университета. Учился у Ключевского, Любавского, Виппера, Петрушевского. После университета организовал старообрядческий учительский институт. Студенты были детьми богатых купцов. Многие приезжали учиться из Сибири. Деньги на организацию института дал миллионер С. П. Рябушинский.



Б. А. Рыбаков на даче в Хотьково.

- А кем была ваша мама?

- Мама была из купеческого рода Блохиных, живших в Немецкой слободе. Дед имел свечное производство. Дочь он отдал учиться в немецкий пансион. Потом она закончила филологический факультет Высших женских курсов Герье. Хорошо знала немецкий и французский.

- Вы сказали, что созданный вашим отцом институт был старообрядческим. Ваши родители были религиозными людьми?

- Дед мой по отцовской линии был богатым коломенским крестьянином - старообрядцем. Был связан с торговлей. А бабушка из касимовских татар. Эти татары были крещены еще в XVI веке. Но родители не были религиозны. У нас в гостиной даже икон не было. И как-то один золотопромышленник, который привез сына отдавать учиться, не найдя иконы, перекрестился на большие часы.

А когда меня отдали в гимназию, то мама настояла, чтобы я не посещал уроки Закона Божия под предлогом старообрядства. Она считала, что это не нужно ребенку.

- Родители окружали вас в детстве заботами или предоставляли самостоятельность?

- В 7 лет я чувствовал себя взрослым, сознательным человеком и жил вполне свободно. В Судаче я купался один, хотя еще не умел

плавать. Там я совершил и первое путешествие: однажды отправился из Судача в Новый Свет - манило название селения. Надо мной летали орлы, но я их не боялся. Дошел до края гор, до обрыва... Подо мной внизу был Новый Свет. Вернулся, а меня уже искали. И отец, и мать, и бонна, ко мне приставленная (она мало мной занималась). Встретили меня торжественно, обрадовались. Никогда меня не наказывали, не бранили в детстве.

- Наверное, вы хорошо учились?

- Учился хорошо. Сначала дома. Мама занималась со мной русским, арифметикой, немецким и французским. Географию изучал по карте военных действий - шла первая мировая война. Я втыкал в карту флажки, обозначая линию фронта. Много читал по истории.

В девять лет меня отдали в частную гимназию Лебедева на Таганке. Я походил полгода в подготовительный класс, а потом заболел. О гимназии остались смутные воспоминания.

Ну а потом, как я уже сказал, школьников вывезли из Москвы, расселили в селах Казанской и Уфимской губерний. Не знаю, почему нас там не учили? Книг, конечно, не было. Почти четыре года я вообще ничего не читал. Грустно было без книг. Педагоги были с нами,

но никаких занятий не проводили.

А потом, в Москве, я так увлекся изучением старой Москвы, что запустил занятия в школе. И меня оставили на второй год. Я очень обиделся. Летом подготовился самостоятельно и поступил даже не в следующий класс, а через класс. Таким образом я закончил среднюю школу в 15 лет.

В университет в таком возрасте не принимали. Устроился на работу. И через три года поступил в Московский университет. Колебался - на какой факультет поступать: исторический или филологический. Выбрал все же исторический. Но потом сам составил себе расписание занятий, чтобы посещать некоторые лекции и на филологическом факультете.

- Вспомните, пожалуйста, какие-нибудь случаи из вашего детства, больше всего запомнившиеся.

- Одно из самых ярких воспоминаний раннего детства - клетки с белыми и зелеными попугаями. Видел я их, когда мы летом были в Анапе. У меня уже много лет теперь живет попугай - зеленый с красным, Риточка. Разговаривает со мной. Я говорю ей: "Ты, птичка моя". Как-то при гостях она сказала: "Боря, Боря, я - птичка твоя".

Самый страшный случай был, наверное, когда меня еще с одним мальчишкой послали из нашей детской колонии за 76 км в Набережные Челны за продуктами. Ехать надо было на санях двое суток, с ночевкой. Едем, глядь - а за нами шесть или семь волков бегут. Парнишка, который со мной был, сказал, что выпржет лошадей и ускачет. А я схватил топор и стал рубить мясо, которое мы везли в колонию. Рубил и бросал волкам. Это нас спасло.

До сих пор помню свой первый грех. Это еще в Москве было, осенью 1917 года. Был голод. У нас в квартире завелись крысы. И я убил одну крысу топором.

А был случай поистине удивительный. В 1921 году нам пришлось уезжать в Москву из детской колонии. На пароходе доехали до Нижнего. Дальше надо поездом. А в поезд не сесть. У нас остался только маленький узелок свеклы. Развели мы костры на песчаном берегу в стороне от города. Сидим. Вдруг подходит мужик цыганского вида и обращается к матери: "Барыня, это вы?" Оказалось - внук нянюшки Акулины, Герасим. Он нам помог сесть на поезд. Что-то сказал людям, они втащили маму в вагон. А меня он просто бросил на головы стоявших в вагоне людей. Постепенно я опустился на пол.

- Вы были в детстве современником таких событий как первая мировая война, революция, гражданская война. Помните ли вы что-нибудь о том времени?

- Война как-то совсем не чувствовалась. Помню, в Судаче мы сидели на террасе каменного дома, а рядом в саду люди пили шампанское, веселились. Это был 1915 год. А в следующем году С. П. Рябушинский закончил строительство дома для служащих автомобильного завода АМО (нынешний ЗИЛ). Мы переехали на новую квартиру на Б. Андроньевскую. Из окон нашего восьмого этажа был Кремль виден. А квартира была такая большая, что я катался в ней на велосипеде.

В конце февраля 1917 года я оказался с прислугой у Яузских ворот, рядом с Воспитательным домом. Мы забрались на высокое крыльцо. По улице шли толпы народа с красными бантами. В тот день я записал в дневнике: "28 февраля. Сегодня у нас была революция". Жизнь изменилась не сразу. Как обычно, летом 1917 года мы жили на даче. В тот год снимали дачу в Сокольниках. Я там с медведем в малиннике встретился.

Но скоро началось голодное время. Мама варила суп из бычьих хвостов. А мы, мальчишки, воровали рыбу, как лиса из сказки. Тогда воблу возили на санях цугом, то есть двое саней с одним ящиком. Ребята постарше забирались на сани, распарывали мешки с воблой и бросали рыбу на дорогу. А мы подбирали.

Осенью 1917 года по нашим окнам стреляли. Нас, после Октябрьского переворота, уплотнили - поселилось еще несколько жильцов. Почему-то был среди них жандармский полковник. Его прямо у нас арестовали.

А в детской колонии голода до 1921 года не было. О происшедших событиях мы ничего не знали. Газет не получали. Места там были глухие. Встречались еще избы, которые топились по черному, свечки для лучины.

Когда вернулись в Москву, уже начался НЭП. Отец повел меня в булочную Филиппова. Мы пили там кофе с пирожными.

- Что запомнилось вам от первого посещения Сергиево-Посада?

- Отец захватил меня с собой, когда по каким-то делам поехал в Московскую Духовную академию; Мне было пять лет. Он оставил меня у ворот, дал лопатку. Я копался в сугробе. До сих пор помню ворота Академии в стиле модерн.



Башни Китай-города.





В одной из комнат заводского общежития.

• 50 ЛЕТ НАЗАД

# 1947-й, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Тот год из всех послевоенных стал, пожалуй, самым памятным. Прошло два года, как кончилась война, и люди, наконец, осознали, что она действительно кончилась, что мир пришел на нашу землю. И что счастье теперь будет зависеть от них самих, от нашего труда и учебы.

В 1947 году отмечалось 800-летие Москвы, и страна с радостью готовилась к этому событию. В тот год отменили продовольственные карточки, провели денежную реформу. Это был год мирного созидательного труда.

Одним из ведущих промышленных предприятий района в то время был Загорский оптико-механический завод. По материалам музея истории ЗОМЗа, по подшивкам многотиражной газеты "За технику" за 1947 год, по воспоминаниям ветеранов составлен наш рассказ о том незабываемом времени, рассказ о событиях 50-летней давности.

В 1947 году ЗОМЗ осваивал новые изделия, в которых нуждалась страна. Это был второй год послевоенной пятилетки и каждый трудовой коллектив брал повышенные обязательства. По этим обязательствам завод в 1947 году предусмотрел увеличить производительность труда по сравнению с 1946 годом на 64(!) процента, а себестоимость выпускаемых изделий снизить на 26 процентов при непременном улучшении качества продукции.

Ширилось стахановское движение, создавались школы передового опыта. Итоги соревнования подводились часто, иногда ежедневно. Победителей поздравляли и вручали подарки: кусок туалетного мыла, пару чулок, отрез на платье...

Летом 1947 года отменили продовольственные карточки. Эти дни запомнились людям надолго. Накануне многие не ложились спать, а всю ночь стояли у магазина, чтобы купить целую буханку хлеба. Ели хлеб и плакали: не верили, что теперь будут есть его досыта.

В то время заводской профсоюзный комитет уделял очень много внимания вопросам быта. Кроме известных жилищно-бытовой, детской, культурно-массовой, производственной были созданы животноводческая и огородная комиссии. Животноводческая комиссия занималась учетом владельцев и желающих иметь скот; огородная - распределением участков под посадку картофеля и других овощей.

Картофель был главной пищей после войны, спасением от голода. Семья из пяти человек запасала на зиму по 20 - 30 мешков и все съедала.

Все пустыри были засажены картошкой. Многие семьи стали держать коров, поросят, кур, уток. Умудрялись держать эту живность даже в небольших сараях на Рабочем поселке. Ранним утром коров и коз выводили в стадо. Их было несколько, в каждом районе. Молоко было доступно, на рынке оно стоило недорого, приблизительно 20 копеек за литр. А заработок рабочего был, в среднем, 60 - 70 рублей в месяц.

Плохо было с топливом, дрова отпускались по ордеру, на зиму по два кубометра на человека.

Огромные усилия надо было затратить, чтобы наладить питание в рабочих столовых, обеспечить продовольствием детские учреждения. В большом количестве квасили капусту. После

войны в некоторых столовых капусту даже выдавали бесплатно: ставили большие блюда, каждый подходил и брал столько, сколько мог съесть.

Остро стояла проблема жилья. Численность работающих на заводе после войны значительно возросла. Всех надо было обеспечить комнатами. О квартирах тогда даже не мечтали.

В те годы жилой фонд ЗОМЗа был очень мал: 20 деревянных и несколько шлакоблочных домов на Рабочем поселке, да четыре кирпичных - на Каменном. Жили тесно, даже кладовки, ванные комнаты, а порой и кухни приспособляли под жилье (в этом случае керосинки приходилось устанавливать в коридорах). Люди жили в подвалах, в пристройке к фабрике-кухне, в здании пожарного депо, в стенах Троице-Сергиевой лавры, в здании бывшей монастырской больницы...

Вспоминая то время, ветераны отмечают, что, несмотря на трудности - бытовые, продовольственные, время было ясное и радостное. Люди ощущали какой-то внутренний подъем, огромное желание преодолеть все эти невзгоды, восстановить разрушенное войной хозяйство.

Очень много работали. Работали вечерами и в выходные дни.

Не было клубов и дворцов, а художественной самодеятельностью все равно занимались - на фабрике-кухне, даже... в бане. Там в шикарном по тем временам помещении (где сейчас раздевалка) разместилась библиотека. В 1947 году в библиотеку привезли рояль и две ее уютные комнаты стали центром культурной жизни завода. Здесь проводились литературно-музыкальные вечера, читательские конференции, был организован кружок вокалистов, а потом хор. Появились первые библиотеки-передвижки в цехах и общежитии.

Молодежь активно занималась спортом. Особенно популярными были лыжи, футбол и волейбол. В каждом дворе были спортивные площадки. Проводились спортивные состязания, эстафеты, турниры.

На заводе до войны был создан духовой оркестр, но танцевали тогда в основном под патефон. В обеденный перерыв, после смены - везде, где была возможность: в красном уголке, в коридоре, в вестибюле...

В 1947 году всем хотелось досыта поесть, деньги на одежду не тратили, да ее почти не было в магазинах, перешивали из старого, самой популярной обувью были галоши. Их выпускала заводская галошная мастерская, созданная в начале 1944 года рационализатором Семенов Александровичем Ефимовым. В отделочном цехе применялась в то время резина, вот и решили использовать ее отходы для изготовления галош. Внутри их оклеивали бязью, применявшейся в сборочных цехах. Для вальцовки галош был использован фрезерный станок. Выпускались взрослые, детские галоши, женские ботики. Их дарили победителям соревнований.

Торжества по случаю 800-летия Москвы проводились и в Загорске. Центром их был городской парк культуры и отдыха. Там состоялось массовое гулянье. Работали аттракционы, танцевальные площадки, проводились всеобщие соревнования, играл духовой оркестр, давались сеансы одновременной игры в шахматы.

До сих пор о том периоде люди вспоминают с доброй улыбкой. Потому что радости было больше, чем печали: рождались дети, открывались детские сады, работали пионерские лагеря, у каждого дома люди сажали деревья и цветы. Но главной радостью был мир, пришедший на нашу землю, и уверенность, что колья уж мы победим в той страшной войне, бытовые трудности преодолеть нам будет нипочем.

Л. ГИРЛИНА.



Здание бывшей 3-й горбольницы. После возвращения из эвакуации в нем жили работники ЗОМЗа.

Александр Самойлович Горловский входит в замечательную плеяду так называемых шестидесятников. Имя этого человека - педагога, публициста, оратора, так много сделавшего для развития культуры края, теперь по праву носит одна из лучших библиотек района - бывшая "зомзовская".

Горловский много писал и часто публиковался в различных, чаще всего периодических литературно-художественных изданиях. А в 1990 году в Кишиневском издательстве вышла его книга "Молдавские встречи", куда вошла его "Повесть о маме". Предлагаем читателям отрывок из этого произведения.



А. Горловский

## Повесть о маме

Отца увели на рассвете, а мама бросилась в Смольный в партколлегю. Ее председатель, старый коммунист, известный своей честностью и принципиальностью, едва увидев маму, выругался и сказал: "Сволочи! Опять опередили!": на 11 января как раз и было назначено рассмотрение дела отца.

Тогда, в самом начале репрессий, даже такие люди, как председатель партколлегии Ленинградского обкома, еще могли верить, что чему-то можно помешать, кого-то спасти.

Память ничего не сохранила из тех дней. Знаю, что мама отправила меня с сестрой к своему младшему брату, а сама ждала решения, ходила по инстанциям, пока не узнала: отец выслан в Якутск, а ей с детьми предписано немедленно освободить квартиру и покинуть Ленинград.

Оставшись почти без средств к существованию, без крыши над головой, лишенная самой элементарной помощи от близких (братья и сестры сами жили настолько скудно, что вряд ли могли чем-то существенно помочь целой семье, оказавшейся к тому же вдали), с двумя малыми детьми, металась вчера еще счастливая молодая женщина по Воронежу в поисках работы и всюду встречала только отказ. Она еще не понимала, что новые обстоятельства рождали и новую мораль: нельзя быть открытым и честным, нельзя писать в анкетах и автобиографиях, что муж репрессирован.

А ведь помимо страданий материальных, помимо тревоги за здоровье детей жила еще и боль за отца.

Они любили друг друга, наши родители, несмотря на четырнадцатилетний разрыв супружеской жизни, когда у многих привычка друг к другу сменяет любовь.

Почти до конца дней своих сохранила мама любовь к отцу, передала ее нам, тревожную, восхитенную, лишенную малейших сомнений и упреков. Не вспомню ни одного разговора, в котором бы мама выразила какое-то неодобрение поступком отца, упомянула хоть малую обиду на него. Это благодаря ей отец оставался для нас идеалом, лучшим человеком из всех.

Там, в Воронеже, я тяжело заболел... И мама рассказывала потом, как лежу я пластом в постели, не в силах пошевелиться, и пою:

*Скажем Сталину "спасибо"*

*Мы за радостную жизнь.*

А она сидит рядом, слезы катятся по щекам, а в голове одна мысль: на что завтра купить хлеба?

Тем временем наладилась переписка с отцом. Он работал в Якутске экономистом в Якутторге, и мама решила поехать к нему в ссылку.

Для меня и сестры началось совершенно романтическое путешествие...

В Бодайбо мы пересели на пароход, и потекли навстречу скалистым ленским берегам.

Прибытие в Якутск и сейчас перед глазами. Радостное предощущение встречи началось с самого утра. И вот вдали низкий берег, редкие деревянные дома и толпа встречающих на пристани.

Где папа? Почему же не встретил? Внезапно появляются двое мужчин, один повыше, другой пониже и выясняется: они - папины товарищи, а папу... папу накануне вечером вьзовь арестовали.

Могу только представить, чем прозвучало для мамы это известие: проделать такой путь, чтобы снова оказаться перед трагической неизвестностью?

В июле мы тронулись в обратный путь. Опять пароходик, тянувший за собой на буксире с десяток крытых брезентом барж, опять скалистые берега Лены.

Мы втроем - мама, сестра и я - сидим на передней части палубы. Почему-то, кроме нас, ни одного человека, остальные пассажиры на задней части палубы, за капитанской рубкой.

И вдруг - папа!

Он выходит в сопровождении трех военных, а я даже не сразу узнаю его: всегда подстриженный, аккуратный, он зарос: завиваются волосы на висках, на шее.

Я бросаюсь к нему, но один из военных твердой рукой отводит меня назад: "Нельзя!"

Я не понимаю, почему нельзя, и, немного поиграв возле мамы, снова бросаюсь к отцу, и снова непреклонное: "Нельзя!"

Представляю, каково было маме и отцу!

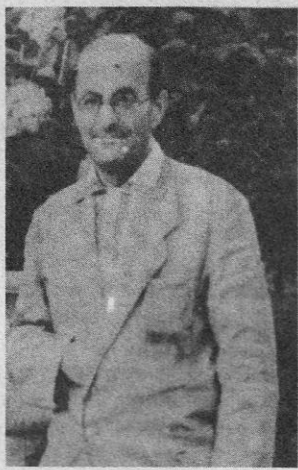
К счастью, сами конвойные еще не знали, зачем и куда везут они заключенного. Пройдет несколько дней, и мне разрешат не только подбегать к папе, но даже спать вместе с ним на узкой и жесткой койке. Маме же и сестре так и остается смотреть на папу издали, даже переговариваться было нельзя.

Мама посылала четырнадцатилетнюю Люлю покочетничать, отвлечь конвойных, чтобы переброситься с отцом хотя бы одним-двумя словами. Это многодневное немое свидание длилось до самого Бодайбо. Там конвойных ждало какое-то распоряжение. Больше папу мы уже никогда не видели.

Четырнадцать лет спустя я прочитаю, что Самуил Саулович Горловский был осужден 31 августа 1936 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР на срок свыше трех лет. А через полтора месяца, 14 октября, жизнь отца оборвалась.

Зачем я все это вспоминаю? Да потому, что без этого не понять, что вынесла и что пережила мама, что пронизало всю ее дальнейшую жизнь.

Имя нашего земляка педагога Сергея Александровича Волкова - автора книги "Последние у Троицы", оказывается, известно не только в Сергиевом Посаде. Его популярность перешагнула границы нашего города, о чем свидетельствует публикуемая ниже статья.



## НАХОДКА БИБЛИОФИЛОВ ЗАГАДОЧНЫЙ ВОЛКОВ всю жизнь прожил "ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХ СТЕН"

Лет пять-шесть назад в московских букинистических магазинах нередко попадались книги, явно из одной и той же библиотеки. На обложках или титульных листах красовалась изящная роспись тонким пером "Сергей Волков", а на задней обложке или форзаце нередко можно было видеть записи простым или химическим карандашом, отмечавшие какие-то даты, причем порой с разбросом в несколько десятков лет. Подбор книг - в основном проза и журналы первых послереволюционных лет - свидетельствовали о тонком, можно сказать, изысканном и совсем уж не "советском" вкусе автора. Но книги были, как правило, помещены в самодельные (по крайней мере, откровенно кустарные) переплеты и немилосердно обрезаны, а точнее, зарезаны. Вкусу библиофила они удовлетворить явно не могли, а об их бывшем владельце я, как ни бился, узнать ничего не мог.

Несколько позже в шестом выпуске исторического альманаха "Минувшее" (Париж, 1988; М.: СПб., 1992) появился небольшой текст "Из воспоминаний о Московской Духовной академии", подписанный: "С. А. Волков". Он был лишен комментариев и сведений об авторе (что противоречило правилам и обычаям "Минувшего") и снабжен лишь невразумительной пометой "Фрагмент из самиздатской рукописи". Естественно было предположить, что автор этих воспоминаний (опубликованный фрагмент был посвящен о. П. Флоренскому) и владелец владавшихся книг - одно и то же лицо. Но ясности это не прибавило.

Из книг, принадлежавших С. Волкову, я в свое время купил две. Первая - "Магические рассказы" Павла Муратова (М.: Дельфин, 1992), с великолепным портретом автора работы Н. Ульянова, последняя книга известного прозаика и искусствоведа, написанная перед полудобровольным, полунужденным отъездом в эмиграцию. Вторая - "Литературный дневник. Статьи 1921-1923 гг." Мариэты Шагинян (М.; Пб.: Круг, 1923). Книжки я купил из чисто познавательного, а не библиофильского интереса, посетовав на неразумность владельца.

И только недавно загадочный С. Волков стал для меня

человеком, как говорится, из плоти и крови. К двум книгам, принадлежавшим ему и внимательно прочитанным, я прибавил третью - на сей раз написанную самим С. Волковым, хотя и увидевшую свет через тридцать лет после его смерти. Это небольшой, плотный, изящно изданный томик в зеленой бумажной обложке с силуэтом Троице-Сергиевой лавры. На титульном листе обозначено: Сергей Волков. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной академии (1917-1920). Москва - С.-Петербург, 1995. Выпустило книгу петербургское издательство "Дмитрий Буланин", но на средства составителя и автора вступительной статьи - А. Никитина, автора известной работы "Тамплиеры в Москве". Его предисловие и разъяснило все непонятные доселе моменты.

Первым делом я взглянул на фотографию на фронтисписе: пожилой, начавший лысеть мужчина в старомодных круглых очках - на фоне книжных полок и с толстым томом в руках; тонкое, умное и удивительно располагающее к себе лицо. Под портретом - факсимиле, та самая, давно мне знакомая элегантно написанная роспись тонким пером.

Жизнь Сергея Александровича Волкова (1899-1965) и история его воспоминаний, четверть века ходивших в самиздате, но все не находивших себе заинтересованного издателя ни в России, ни за границей, подробно рассказана в статье А. Никитина. С С. Волковым его связывала долгая и искренняя дружба, несмотря на солидную разницу в годах. Статья датирована 1989 годом, из чего ясно, что книга была подготовлена издателем к печати еще давно, но выпуску ее препятствовали, скорее всего, самые прозаические причины материального характера. Слава Богу, теперь она наконец-то появилась на прилавках книжных магазинов, хотя тираж в тысячу экземпляров - пусть и обычный ныне - трудно признать достаточным для такой книги.

Всю свою сознательную жизнь С. Волков прожил "около церковных стен" - начиная со студенческих лет в Московской Духовной академии в 1917-1919 гг., вплоть до ее закрытия, и заканчивая возвращением в стены возрожденной академии уже после войны - в качестве за-

ведующего канцелярией и преподавателя (...). В эти же годы он работал над своими воспоминаниями о годах молодости, о друзьях и учителях, о выдающихся людях, с которыми сводила его судьба - от Павла Флоренского до патриарха Тихона. И в эти же годы, как показывают пометы, он перечитывал книги своей молодости - более чем "светского" содержания.

По воспоминаниям А. Никитина, С. Волков прекрасно знал литературу серебряного века и культуру той эпохи вообще. Несмотря на свою церковность, он любил сравнивать себя с аббатом Жеромом Куаньяром Анатоля Франса, а из поэтов русского символизма для него на первом месте стоял Валерий Брюсов. Говоря об этом, публикатор сообщает любопытную, чисто библиофильскую подробность: книги В. Брюсова, "вышедшие в издательстве "Скорпион", украшены были дарственными надписями автора В. В. Розанову, дочь которого, Т. В. Розанова, жила дверь в дверь с Волковым на той же лестничной площадке".

"Стилизованную прозу" П. Муратова, известного прежде всего сборниками новелл "Герои и героини" и "Магические рассказы", С. Волков бегло упоминает в воспоминаниях, говоря о своем круге чтения. Экземпляр "Магических рассказов", находящийся в моем собрании, был приобретен - судя по размашистой записи на авантитуле - 16 октября 1930 г. в Москве. Позднее С. Волков перечитывал книгу пять раз: в июне 1948-го, сентябре 1953-го, июне 1955-го, октябре 1962-го и мае 1963 г. В книге много подчеркиваний карандашом, но заметок на полях (которых много, например, в "Литературном дневнике" М. Шагинян) здесь почти нет (...)

Добавлю, что именно по волковскому экземпляру "Магических рассказов" я готовил републикацию двух новелл П. Муратова из этой книги - "Остров молчания" и "Собеседник" - для алмаатинского журнала "Простор" (1995, N 2/3). Надеюсь, что не за горами и более основательное издание прозы этого замечательного писателя (...)

Пережив революционные сломы и перемены со всеми их непривлекательными сторонами, С. Волков отмечает и реакцию М. Шагинян на происходившее, снабжая ее текст своими рассуждениями и замечаниями. "А новое начало - всегда варварство", - пишет М. Шагинян. С. Волков присписывает: "На время". А к словам: "появились в парках окурки, бумажки, жестянки" - грустно добавляет: "Без этого - никак" (...)

Книги Сергея Волкова - написанные им и прочитанные им - открывают нам совершенно неизвестного, но поистине замечательного человека, пусть и не творца, но летописца и хранителя предания, хранителя культуры и памяти. Две книжки в невзрачных картонных переплетах заняли почетное место на моей полке, а рядом с ними встал недавно изданный зеленый томик воспоминаний. И мне остается только пожелать читателям открыть и для себя книги этого замечательного человека.

**В. МОЛОДЯКОВ,**  
докторант Токийского университета.

Журнал "Библиокарьер",  
1997, № 6.

(Напечатано с сокращениями).

## НАШИ ЗЕМЛЯКИ ПЕДАГОГ по призванию

Эту женщину с добрым внимательным взглядом помнят многие в нашем городе и районе. Она была учительницей младших классов, первой учительницей для многих поколений загорчан. Ее трудовой стаж - 52 года. Александра Ивановна Лазарева осталась в памяти своих учеников чутким человеком, умным и знающим педагогом. В этом году ей исполнилось бы 100 лет.

Родилась она в 1897 году в семье крестьянина деревни Хребтово. Преодолевая огромные трудности, окончила Переславскую женскую гимназию. И с 1915 года началась ее педагогическая деятельность. Двадцать лет проработала Александра Ивановна учительницей сельской школы. В 1935 году приехала в Загорск, поступила работать в школу им. РККА учительницей начальных классов. Бывшие воспитанники помнят ее - строгую, но добрую и справедливую. С ними переживала и трудилась А. И. Лазарева в тяжелые годы войны, голодала и холодала. Часто помогала материально, делилась последним куском...

Работая творчески, Александра Ивановна передавала свой опыт учителям нашего города. После войны она несколько лет возглавляла городское методическое объединение начальных классов. Педагогический опыт, знания дали ей возможность печатать свои статьи в журнале "Начальная школа".

Авторитет Лазаревой был бесспорен. А большая общественная работа вызвала уважение. В 1952 году учителя избрали А. И. Лазареву председателем Загорского райкома профессионального союза работников начальных и средних школ. На этом посту особенно проявились ее талант организатора, умение работать с людьми, улаживать конфликты. Приходилось ездить, а чаще ходить пешком в отдаленные сельские школы.

В 1953 году Александра Ивановна Лазарева была избрана депутатом Московского областного совета депутатов трудящихся. И тут она проявила заботу о людях, о своем родном Загорском районе.

### "Моя родословная"

- так называется конкурс, объявленный краеведческим отделом музея-заповедника и редакцией газеты "Вперед". Итоги его будут подводиться в декабре 1997 года. В качестве иллюстративного материала на конкурс могут быть представлены семейные фотографии, документы, письма, награды и пр.

Тел. для справок  
4-92-07.

Краеведческий клуб  
"Хронос"  
приглашает  
всех желающих  
на "посиделки".

Мы собираемся  
в Красной  
гостиной  
библиотеки имени  
А. Горловского  
в первый и  
третий четверг  
каждого месяца  
с 10 до 13 часов.



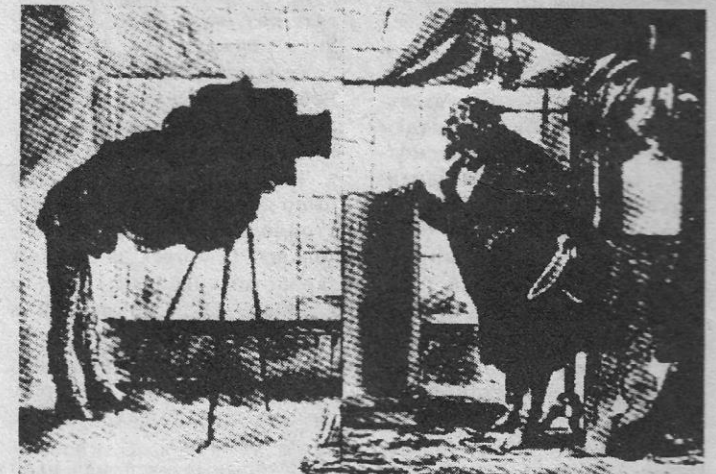
Шесть лет (с 1957 года) Александра Ивановна заведовала начальными школами № 10 и 11. Она учила педагогов работать с детьми, даже очень "трудными", терпеливо, не унижая их достоинства. Перед уходом на пенсию Александра Ивановна трудилась во вспомогательной школе № 7. Коллеги ценили в ней тактичность, спокойный тон в беседе. Все ее любили, шли за советом, шли с бедами и радостями. И не только потому, что она была председателем месткома, а главное, что была человеком большой души. Малоимущим семьям приносила вещи, детей в школе кормила за свой счет.

Доброжелательное отношение, интерес к людям Александра Ивановна сохранила до конца жизни. К ней тянулись и тогда, когда она уже не работала. Шли посоветоваться, просто поговорить, попить чаю за ее гостеприимным столом. Была она чрезвычайно интересным человеком, много читала, писала стихи для своих друзей.

И всегда Александра Ивановна оставалась Учителем. Недаром в "гимне" школы № 7 говорилось, что она "объясняет величие нашего труда". В памяти многих людей она осталась образцом чуткости, порядочности, интеллигентности.

М. КИНЕВСКАЯ,  
педагог.

## ПОИСК



Благодарим всех, кто помогает краеведческому отделу музея в поисковой работе, в сборе вещей, документов, фотографий, хранящих память о прошлом.

Вот и на этот раз мы обращаемся к вам с просьбой помочь в создании экспозиции под условным названием "Фотосалон начала века".

Как известно, фотография появилась в России более 150 лет назад, а широкое распространение получила с начала века. Первая фотомастерская располагалась в Троице-Сергиевой лавре. Позднее в ново-лаврской гостинице открылся фотосалон Платонова, сразу же ставший необычайно популярным. Вот его-то мы и хотим воссоздать. А для этого нам необходимы следующие предметы: павильонная камера (зарубежная или отечественная), фотообъективы, станок для контактной печати, станок для сушки фотопластины, светофильтр, ареометр, экспонетр, станок для ретуши, фотокассеты и рамки, а также лабораторные принадлежности - ванночки, термометр, мерные стаканы, колбы, ступка с пестиком и пр.

Напоминаем еще раз, что все эти вещи давно вышли из употребления и хранятся сейчас в разных музеях, а в нашем музее их нет. Но мы не теряем надежду приобрести их, чтобы оставить на вечное хранение в фондах или взять на временное хранение для готовящейся выставки.

\* \* \*

Краеведческий отдел музея просит также тех, кто знает что-либо о владельце дореволюционной аптеки города В. Ф. Гильберте или его родственниках, сообщить в краеведческий отдел музея эти сведения. Может быть, кто-то сохранил рецепты, документы, фотографии этой аптеки и ее сотрудников, бутылочки для лекарств - все это может быть использовано в будущих экспозициях о жизни нашего города.

Заранее благодарим и напоминаем координаты краеведческого отдела: Аптекарский пер., 2 (рядом с Конным двором); тел. 4-92-07.